

ГНЕВНАЯ САТИРА

К 50-летию со дня смерти
А. В. Сухово-Кобылина

Творчество Александра Васильевича Сухово-Кобылина, одного из виднейших русских драматургов, поныне остается малоисследованным. Большая жизнь писателя (1817—1903), в юности — современника Пушкина, собеседника Гоголя, в зрелости — близкого друга Щепкина, а в старости — избранного в Академию наук вслед за Чеховым и Короленко, известна лишь в отрывочных эпизодах.

Ныне в распоряжении исследователей оказался считавшийся безвозвратно утраченным огромный архив Сухово-Кобылина: его многолетние дневники, рукописи пьес, статей, некоторые неизвестные ранее произведения. Эти материалы проливают новый свет на жизнь и творчество Сухово-Кобылина.

28 мая 1855 года в московском доме Сухово-Кобылиных собрались гости. Среди них был известный артист Малого театра Шумский. «В 2 часа», — записывает в своем дневнике Сухово-Кобылин, — читал им мою пьесу Свадьба Кречинского — успех! Шумский просит ее себе на бенефис. Так первая пьеса Сухово-Кобылина попадает на сцену Малого театра.

На протяжении августа — ноября 1855 года Сухово-Кобылин весь отдается заботам об ее постановке. В его весьма лаконичном дневнике, нередко отмечающем события дня всего одной — двумя фразами, то и дело встречаются упоминания о комедии, об актерах, которым предстоит ее играть. Особенно часто повторяется в записях имя М. С. Щепкина. Щепкин готовил роль Муромского, Пров Садовский — Расплюева, Шумский — Кречинского. 24 ноября писатель посетил очередную репетицию:

«Утром отправился на репетицию. Садовский и Щепкин превосходны... Странное ощущение производит первая репетиция на автора — это его роды. ...Его дитя ожило, взглянуло на свет и дало первый крик. Щепкин во внутреннем восхищении расцеловал меня».

Назавтра Сухово-Кобылин записывает:

«Вторая репетиция — все идет лучше, сглаживается, идет вперед. ...Щепкин в роли отца играл отлично и сам расплакался».

Наконец настает знаменательный день первого представления «Свадьбы Кречинского». Подробная запись о ходе этого спектакля, сделанная драматургом, кончается так: «В глубоком молчании, прерываемом едва сдерживаемыми рукоплесканиями, сошел конец третьего акта... я ускользнул из ложи, как человек сделавший хороший выстрел, и в коридор. Услышал гром рукоплесканий».

Я отправился прямо в ложи артистов на сцену — здесь обступили меня они и особенно Щепкин, Полтавцев, Бурдин из С. Петербурга и др. — Я отправился домой. — Старик Щепкин уже бродил по освещенным комнатам... Мы расцеловались со Щепкиным. Сели пить чай. Щепкин был в восхищении...»

Вскоре «Свадьба Кречинского», блестяще сыгранная труппой Ма-

лого театра, была поставлена Александринским театром в Петербурге и напечатана «Современником».

Дружба Сухово-Кобылина со Щепкиным продолжалась и крепла. Когда премьер Александринского театра Самойлов, исказив замысел автора, сыграл Кречинского авантюристом, затушевывая его принадлежность к правящему классу — дворянству — и вдобавок произвольно наделив героя комедии польским акцентом, именно Щепкин вступился за драматурга и резко осудил любимца петербургской знатной публики:

«...вся сила, вся ее важность (комедии. — ред.) для нашего времени заключается в общественном значении ее сюжета и особенно главного лица, Кречинского. Зачем вы сделали из него поляка? Это — русское лицо, представителем нашего так называемого хорошего общества, которое должно было со сцены видеть в Кречинском себя, а не чужого человека... Тогда бы пьеса произвела на нас надлежащее действие и сыграла бы серьезную общественную роль, послужив к раскрытию язв и пороков нашего общества».

Беседа со Щепкиным 29 августа 1856 года явилась побудительным толчком, заставившим Сухово-Кобылина вплотную приступить к работе над новой пьесой — над «Делом». Об этом говорит следующая запись:

«Щепкин мне сказал: А знаете, мне жалко, что вы по первому разу написали такую пьесу. Я с ним согласился. Его рассказ прикачка о продаже лубков».

Слова Щепкина «...жалко, что вы по первому разу написали такую пьесу», видимо, надо понимать в том смысле, что после блестящей «Свадьбы Кречинского» трудно написать что-либо равное. Значит, разговор о новой комедии имел место.

Через день, 31 августа, следует запись: «Вечером написал две первые сцены из нарождающейся новой комедии».

Что же касается «рассказа прикачки», то в одном из неопубликованных писем Сухово-Кобылина говорится:

«...В прилагаемом экземпляре собрания моих драматических сочинений вы найдете желаемый Вами рассказ Ивана Сидорова об его торговле на Коренной ярмарке, страница 198-я».

Он начинается словами: «Был одна со мной такой-то случай» и который был мне великопечно рассказан покойным М. С. Щепкиным».

Этот рассказ был целиком включен писателем в текст нового произведения. 11 января 1858 года Сухово-Кобылин отмечает: «Все утро писал пьесу — четвертый акт — ибо хочется в Москве прочесть ее Щепкину...»

И действительно, первым слушателем пьесы «Дело» в чтении автора был Щепкин, являвшийся для него высшим художественным авторитетом. 29 января драматург записал в дневнике: «Утром Щепкин. Назначено чтение всей вто-

рой пьесы завтра». А 30 января: «в 7 часов явился Щепкин. Чтение пьесы. Впечатление почти то же, как и при чтении Кречинского в 1855 году ему же, Щепкину, т. е. почти за 3 года тому назад».

В «Деле» Сухово-Кобылин снова предназначал Щепкину роль Муромского. Однако вторая творческая встреча драматурга со своим любимым актером и сценическим наставником так и не состоялась: пьеса была совершенно закончена и представлена в цензуру только в 1863 году — в год смерти Щепкина. Новое произведение Сухово-Кобылина сразу подверглось цензурному запрету и свет рампы увидело только в 1882 году — почти через 20 лет после его создания, да и то в сильно искаженном купюрами виде.

Историки литературы долго недооценивали значение воздействия Гоголя на творчество Сухово-Кобылина. Между тем в дневниках драматурга мы обнаруживаем неоспоримые свидетельства его прямой творческой учебы у великого отечественного сатирика Гоголя.

17 сентября 1857 года, в день своего сорокалетия, подводя итоги еще не оконченной тогда работе над пьесой «Дело» (первоначально им названной «Лидочкой»), автор, между прочим, перечисляет наименования действующих лиц этого произведения. «От этой пьесы», — пишет Сухово-Кобылин, — «я жду более, чем от Кречинского. Все главные сцены написаны так: 1-й акт, несколько сцен 2-го, Лидочкин монолог 3-го. Сцены Хлестакова и Тряпичкина. Сцена Муромского с Высоким Лицом и затем сцена Тряпичкина с Высоким Лицом. Из четвертого акта катастрофическая сцена Муромского и Тряпичкина... Из 5-го сцена Хлестакова. Ив. Сид. и Нелькина. Последняя сцена Лидочки и эпилог...»

Тряпичкиным Сухово-Кобылин сперва называл Варравина. Затем автор отказался от фамилии Тряпичкин, мало подходившей к облику Варравина — «действительного статского советника, при звезде». Но не это важно. Гораздо важнее то, что имя Тряпичкина уже знакомо нам по гоголевскому «Ревизору» (чиновнику Тряпичкину адресует свое письмо Хлестаков). Самого Тарелкина Сухово-Кобылин первоначально прямо назвал Хлестаковым, стремясь открыто декларировать свою связь с гоголевской сценической традицией.

В этой же записи дневника мы находим и первое упоминание Сухово-Кобылина о «Смерти Тарелкина» — третьей, завершающей пьесу его трилогии. Называя еще раз Хлестаковым будущего Тарелкина, писатель замечает: «Завязалась мысль о новой маленькой пьеске — Хлестаков или Долги».

Вплоть до 1858 года работа над «Хлестаковым» идет параллельно с работой над «Делом». В октябре 1857 г. писатель, судя по его записям, написал две сцены новой комедии и принялся за «Дело».

Среди русских писателей второй половины XIX века А. В. Сухово-Кобылин выделялся необычайной остротой своей самобытной и гневной сатиры.

«Обличение и протест, как следствие критического отношения к явлениям окружающей действительности», — писал Чернышевский, — являются столбовой дорогой современной русской литературы». По этой дороге вслед за Гоголем уверенно направился и Сухово-Кобылин, достойный продолжатель традиции Гоголя, прямой соратник Щедрина. Введенные драматургом в его трилогии яркие образы Расплюева, Тарелкина и Варравина представляли собой чиновничество, разьедавшее, как выразился сам Сухово-Кобылин, «в одну сплошную рану великое тело России». В этих образах сущность глубоко реакционной русской бюрократии была раскрыта с наибольшей полнотой и заостренностью. Тем самым сатира Сухово-Кобылина призывала к борьбе против произвола и беззакония чиновничества. Не случайно царская цензура, а также министр внутренних дел Валуев, в ужасе назвавший «Смерть Тарелкина» «сплошной революцией», делали все для того, чтобы преградить произведениям Сухово-Кобылина доступ на сцену.

Одно из столкновений с императорской цензурой красочно описано в дневнике писателя. В этот день он явился к цензору Нордштрему с целью добиться разрешения «Дела» к постановке: «Боже — что я услышал, — он напротив и прямо запрещает пьесу. — Его слова: мы на себя руку поднять не можем! Здесь все осмеяно. — Сквозь комплименты оказывается, что он сам генерал и обиделся... Ясно видно раздражение за пьесу. — Да кто же не поймет, что это Министерство, Министр, его товарищ — Правитель дел и т. д. Он заметил это с желчью. — Дело мое потерянное. Я вышел разбитый. — Пропало... — Все выметено».

Чувство ненависти к тогдашним общественным порядкам Сухово-Кобылин изливал и в своем сочиненном дневнике. Весьма примечательна в этом смысле запись от 17 августа 1856 года, запечатлевшая глазами очевидца торжественный въезд в Москву царя Александра II:

«В два часа началось шествие. Впереди ехали жандармы, затем придворные лакеи, потом конвой государя. Чернел в кольчугах азиатский полускадрон. Линейские синие казаки, донские казаки, синие атаманские казаки. Потом депутаты...»

Свита была страшная, до 200 человек. Впереди их ехал Государственный Совет и придворные чины в золотых каретах. Четыре кареты были нагружены Государственным Советом и министрами. Сколько в этих четырех золоченых ящиках было соединено грязи, гнили, подлости».

В архивах Сухово-Кобылина хранится поныне неопубликованный его памфлет, названный им «Квартет» и написанный в форме «письма к приятелю». В «Квартете» с особенной силой дает себя знать острота сатиры Сухово-Кобылина, направленной против своекорыстного, граблящего народ чиновничества.

«Принудительно созерцаю все-российскую волокиту, — пишет Сухово-Кобылин, — т. е. с уны-

А. В. Сухово-Кобылин (1870-е годы).

нием слежу, как пустейшие бумаги переползают из одной клоповни в другую. Все чиновники, везде чиновники, все чиновники.

...Клоповники вскипают... и обрывают клоповные комитеты. Вшивые комиссии представляют мертворожденные проекты, от которых тут же несет падалью и банкротством... Телескопические и микроскопические паразиты обрывают общества «поощрения труда», который тут же и объедают. Пауки переносят паутины на новые и свежие места грабительства... Чиновников умножение... Всеобщее разорение.

Заклęcie. Картина или апофеоз!..

При рембрантовском зловещем освещении глухая ночь. Рак чиновничества, разьедавший в одну сплошную рану великое тело России, едет на ней верхом и высоко держит знамя «прогресса!»

В Главном литературном архиве есть несколько вариантов этого произведения, свидетельствующих о том, как настойчиво и трудолюбиво отделял Сухово-Кобылин каждую строку небольшого памфлета. Рукописи «Квартета» датированы 1890—1900 годами. Следовательно, памфлет написан незадолго до смерти драматурга.

Общественный смысл всей литературной деятельности Сухово-Кобылина — разоблачение и сатирическое осмеяние бюрократической машины Российской империи. Об этой бюрократической машине В. И. Ленин писал:

«Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная бюрократия, которая... правит государством российским». Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества».

Для разоблачения этих «вредных качеств» много сделал выдающийся русский драматург-сатирик А. В. Сухово-Кобылин.

К. РУДНИЦКИЙ